

С.В. Голикова

Институт истории и археологии УрО РАН
ул. С. Ковалевской, 16, Екатеринбург, 620990
E-mail: avokilog@mail.ru

ПАМЯТНИК ВОГУЛУ СТЕПАНУ ЧУМПИНУ В КОНТЕКСТЕ РОССИЙСКОЙ ДОРЕВОЛЮЦИОННОЙ МЕМОРИАЛЬНОЙ СРЕДЫ

В контексте развития российской мемориальной культуры рассматривается история создания и бытования на горе Благодать памятника вогулу Степану Чумпину (около г. Кушва Свердловской области). Памятник Чумпину, открывшему здесь богатое железорудное месторождение, был поставлен к столетнему юбилею этого открытия. Показана роль в его установке начальника Гороблагодатского округа Н. Мамышева. Выявляется степень соответствия памятника мемориальному ландшафту в период установки, а также тенденциям развития публичной коммеморации дореволюционного периода.

Ключевые слова: манси, Степан Чумпин, «благородный дикарь», монументальный памятник, месторождение на горе Благодать.

Памятник сибирскому инородцу появился в Российской империи на несколько лет ранее монумента «Покорителю Сибири Ермаку» в Тобольске. Однако если обелиск на мысе Чукман ознаменовал очередной этап развития культа казачьего атамана, сразу обрел общероссийскую известность и до сих пор востребован исследователями как форма репрезентации и актуализации исторической памяти (см., напр.: [Агапов, 2016, с. 144]), то памятник вогулу Степану Чумпину поставили быстро, без всероссийской помпы, включающей длительный период конкурса проектов, сбора средств и получение санкций по монтажу монумента и облагораживания территории вокруг него, популярность он набирал медленно и считался «местом памяти» горнозаводской истории. Однако уже надпись на памятнике позволяет ввести его в изучение этнической тематики.

В 1826 г. вершина горы Благодать — второй магнитной горы Урала и России, дававшей казне тысячи пудов «преизрядной железной руды», приняла иной вид — обзавелась памятником. Событие для жителей северных широт доселе невиданное — монументы, поставленные к тому времени в России, пересчитывались по пальцам. Однако установленный здесь заключал в себе много нового даже для начальства и офицерства, имевших возможность лицезреть «истуканов» в столицах («медного всадника» в Санкт-Петербурге или мемориал Минину и Пожарскому в отстраиваемой после пожара Москве). Он уже формой отличался от общепринятых каноников: обелиска, колонны, бюста, статуи. На горе возвели нечто среднее между тумбой и колонной. Сооружение было сделано из довольно редкого для памятников (но обычного для горнозаводского Урала) материала — чугуна. Чугунное художественное литье еще не достигло высот декоративно-прикладного искусства, однако умелые литейщики в Гороблагодатском округе имелись. Они отлили колонну, обрезающую на достаточно низкой высоте. Цилиндрическое основание служило пьедесталом для урны, из которой вырывалось пламя (рис. 1, 2). Композиционное решение объясняла надпись: «Вогул Степан Чумпин сожжен здесь в 1730 году» [Сорокин, 1872, с. 11].

Объектом увековечения стал человек, открывший месторождение на горе Благодать, но строители памятника почему-то к его имени и фамилии (чего было вполне достаточно) добавили сведения о том, к какому народу он принадлежал, причем поставили их в надписи на постаменте на первое (ключевое, ударное) место. Это был нонсенс не только для 1826 г., но и для мемориальной культуры всего имперского периода. Трудно даже представить в России памятник, содержащий указание (причем с позитивной коннотацией) на то, что он посвящен украинцу, лопарю, якуту и т.п. На памятниках иностранцам высекали имя и фамилию. Например, при установке в 1820–1828 гг. обелиска английскому филантропу Д. Говарду в Херсоне ограничились лаконичным «Говард» [Галкин-Враскин, 1880, с. 384]. Монументы, в названии которых присутствовало слово «русский», имелись, но, как правило, его использовали в словосочетании «русским морякам», «русским матросам», т.е. в качестве прилагательного и во множественном числе. Казус памятника на вершине Благодати этим не исчерпывался. Задача данной статьи заключается в том, чтобы посмотреть на историю его создания и существования в контексте эво-

Памятник вогулу Степану Чумпину в контексте российской дореволюционной мемориальной среды

люции дореволюционной российской мемориальной среды и выявить, насколько он (не) соответствовал мнемоническому ландшафту в период установки, а также тенденциям развития публичной коммеморации дореволюционного периода.

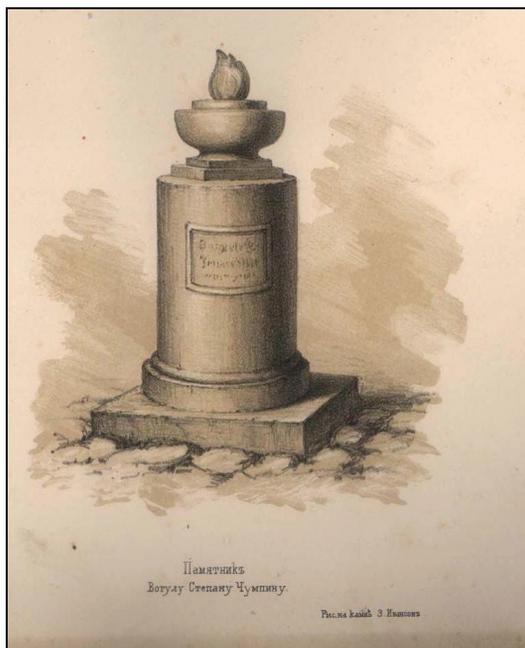

Рис. 1. Вид памятника вогулу Степану Чумпину в 1870-е гг.
Fig. 1. Type of a monument of Mansi to Stepan Chumpin in the 1870th.

Рис. 2. Вид памятника вогулу Степану Чумпину в начале XX в.
Fig. 2. Type of a monument of Mansi to Stepan Chumpin at the beginning of the 20th century.

Формирование в России системы памятников как особой среды и определение места каждого памятника в ней остаются мало изученными вопросами. Фактически они были поставлены только в кандидатской диссертации К.Г. Сокола при решении утилитарной задачи — исследовать географическое распределение монументальных памятников. Автор выявил ряд важных закономерностей в группировке и ранжировании дореволюционных монументов и показал их совокупность как специфическую систему со своими тенденциями развития. В частности, он

выделяет памятники мемориальные, монументальные, географически (не)мотивированные, поставленные по событийному принципу, а также по принципу пребывания, посещения и заслуг [Сокол, 2009]. Долгое время эта тематика была вотчиной искусствоведов с преобладанием эстетического подхода к выбору объектов исследования. Несмотря на плодотворное и бурное развитие, такие научные направления, как историческая память и историческая политика, оказались больше связаны с советским и постсоветским периодами и обращают внимание на памятники дореволюционного времени, когда по их поводу начинаются «войны памяти» или грядет юбилей события, в честь которого они поставлены. Отдельный памятник или их виды рассматриваются при этом больше в контексте с событием, их породившим, и с эволюцией взглядов на это событие, а не на памятник как самостоятельный предмет. Конечно, памятники изучаются не только как объекты идеологии и политики. Например, исследования И.И. Рущинской показывают, что переосмысление образа монументов и заложенных в них идей может происходить вне конфликтных ситуаций типа «войн памяти» и изменений политической конъюнктуры, но и при демократизации общества и превращении памятников в инструмент массовой культуры (см., напр.: [Рущинская, 2011]).

Памятник Чумпину являлся одновременно мемориальным и монументальным. Слово «здесь» в надписи на колонне указывает на его возведение непосредственно над останками Степана и, следовательно, отнесение его к разряду мемориальных. Однако о раскопках первой четверти XIX столетия, обнаруживших на вершине горы следы кострища и останки первооткрывателя Благодати, сведений нет, а историки практически сразу же после установки памятника стали говорить о том, что гибель, а тем более сожжение вогульского рудознатца — выдумка. Его сотрудничество с горными властями оказалось неплохо задокументировано. По архивным источникам знатоку горнозаводского края Н.К. Чумпину удалось выяснить подробности поездки этого вогула на гору в 1735 г. (следовательно, через 5 лет после «сожжения») сначала с надзирателем за лесами Куроедовым, затем с Татищевым, а также перипетию получения им вознаграждения за находку месторождения, составившего в сумме 24 руб. 70 коп. Деньги выдавались частями, и за последними 20 рублями Степан «был вытребован в Екатеринбург» аж в 1736 г. [Чупин, 1866, с. 323].

Поэтому памятник следует признать скорее монументальным, т.е. связанным с великим открытием Степана, а не с местом его смерти. Та же надпись намекает на значительную роль в создании монумента историко-географической реконструкции события. Вместе с первооткрывателем увековечивалось и место, которое он открыл. В этом смысле чугунная тумба Степану Чумпину соответствует географически мотивированным памятникам — понятно, почему ее водрузили на вершине Благодати. Даже если историки правы и она не поставлена на месте его гибели, однако фиксирует объект им открытый. По этой же причине памятник следует отнести к числу событийных, маркирующих опять же если не смерть Чумпина, то знаменательный случай — открытие им знаменитого месторождения. Устроители также имели в виду результаты деятельности вогула, а именно его заслуги перед отечеством. «Заслуги Чумпина перед Россией велики, открытое им несметное богатство железной руды, даже кажется и по сей день не оценено, но чугунная тумба, увековечивающая память о действительно полезном человеке, имеет цену в глазах потомства», — писал в начале XX в. И.Я. Кривошеков [1910, с. 277]. Таким образом, монумент в честь Степана появился на месте, связанном как с его жизнью, так и с (оспариваемой) кончиной, и поэтому может считаться памятником пребывания. Применение к памятнику Чумпину различных классификационных и типологических критериев показывает, что визуальная репрезентация последних минут жизни вогульского охотника и ее привязка к горе Благодать открывали возможность сложных и неоднозначных интерпретаций. Его установка способствовала сохранению памяти о событии и о человеке, прославлению вогула Чумпина и высоких качеств руды горы Благодать, воспоминанию о победе над природой, хотя разгадка ее тайны и обретение железной горы оказались вплетены в личную трагедию. Парадоксальным образом через отношение к отдельному человеку выражался государственный взгляд на историческую память, которую заслуживает не только богатейшее месторождение магнитного железняка, но и простой вогульский охотник, его открывший. В «Описании Гороблагодатских заводов» прямо указывается, что вогул «заплатил жизнью за важный дар, предложенный государству» [Описание..., 1839, с. 55].

Вызывает интерес уже дата создания памятника. Он возник на заре формирования российской монументальной культуры, для которой был характерен глубокий разрыв между столицами и провинцией. Лидировали в начинании столичные города. В редкой сети памятников России первой четверти XIX в. преобладали императорские и военные (военачальникам; также нача-

лась мемориализация Полтавского сражения, Отечественной войны 1812 г.). Урал, как и многие другие регионы страны, относился к практически не затронутым мемориализацией территориям. Она началась после проезда по краю Александра I и была посвящена увековечению посещенных им мест. Особенностью репрезентирующих царскую власть памятников стала их установка в отдаленных местах империи, к которым в ту эпоху причисляли Урал. Видимо, первый уральский памятник появился не в городском пространстве, а на Миасских золотых приисках, «где императорское величество изволил работать» и добыл 20 фунтов золотоносного песка. Прииск переименовали в Царево-Александровский, а «на месте» трудов венценосной особы «бывшие тогда офицеры соорудили своими средствами скромный памятник — небольшую каменную пирамиду с двухглавым на вершине ее орлом, которая безыскусственными надписями свидетельствовала о незабвенном 23 числе сентября 1824 года» [Извлечение..., 1878, с. 26].

Спустя два года поставили монумент вогулу. Он появился опять же не, как следовало ожидать, в административном центре губернии или уезда (ведь памятники долгое время оставались принадлежностью городского и усадебного ландшафтов), а в таежной глуши, венчая природный географический объект. Традиция приурочивать открытие памятников к круглым датам в начале XIX в. еще только формировалась (поставили монумент к 100-летию полтавской победы). Однако появление тумбы Чумпину следует признать еще одним шагом в данном направлении. Судя по дате на надписи, приближался (в 1830 г.) вековой юбилей открытия Благодати. Хотя «Описание Гороблагодатских заводов» 1839 г. по поводу установки памятника первооткрывателю Благодати патетически восклицало: «...воспоминания переживают людей полезных отечеству!», однако с объективацией памяти «повезло» только Степану. В анналах горных властей хранилось много имен и фамилий рудознатцев, но памятников им не воздвигали даже в XIX — начале XX в. В дальнейшем Пермская губерния будет отличаться «горнозаводской» тематикой. Однако особенностью ее станут памятники заводовладельцам: Н.Н. Демидову в Нижнетагильском заводе, Яковлеву — в Невьянском.

Сооружение памятников низкому, демократическому герою (к числу которых принадлежал простой вогульский охотник) обычно происходило по инициативе снизу. «Описание Гороблагодатских заводов» указывает, что увековечением памяти Чумпина занималось «признательное горное начальство», которое «воздвигло ему памятник в тех местах, где прекратилась жизнь несчастного» [Описание..., 1839, с. 56]. Решение о мемориализации вогула принимал лично начальник Гороблагодатских заводов Николай Родионович Мамышев. Общественности как таковой заводы того время не знали, а роль населения состояла в ежегодном шествии в виде крестного хода на вершину Благодати.

Во многом странности с памятником вогулу объясняет фигура главы Гороблагодатского округа. Обер-бергмейстер 7 класса Мамышев слыл незаурядной личностью, получившей не только уральскую, но и общероссийскую известность как минимум в нескольких весьма далеких друг от друга областях. Одним он известен как успешный горнозаводской администратор и чиновник, другим — как человек, много сделавший для научных направлений, связанных с геологией и металлургией, третьим — как достойный внимания литератор. Инициативный и опытный управленец, отвечавший за территорию, равную нескольким европейским государствам, успевал заниматься (и успешно) литературным творчеством. Литературоведы причисляют опубликованного в столичной периодике повести и рассказы горного чиновника к сентименталистам (см., напр.: [Сурков, 2012, с. 24]). В этом смысле понятно его обращение к «низкому» герою и симпатии к «дикарю», которые было свойственно проявлять представителям данного направления. «Дикие» туземцы (киргизы, коряки, чукчи, в том числе и вогулы) были героями его произведений. Чумпина он решил идеализировать до «благородного дикаря». Этот образ именно у сентименталистов стал одним из самых популярных. К тому времени он получил мощное идейное обоснование, став историко-этнологическим изводом важнейшей философской концепции XVIII в. — идеи «естественного человека» (см., напр.: [Федин, 2010, с. 65–68]).

В свете возникшей моды на празднование юбилеев и с учетом их коммеморативной значимости эффективный бюрократ Мамышев вспомнил о первооткрывателе горы и на опорной точке ландшафта — вершине Благодати соорудил монументальный символ для материализации и культивирования мифа об убийстве Чумпина, вставив этот миф в короткую надпись. Интерпретировать убийство предполагалось как месть рудознатцу за привлечение в вогульские пределы чужаков-русских. В замысле памятника одиночку — «добраго», благородного дикаря Степана окружают дикари «подлые» — другие вогулы. Его соплеменников Мамышев сделал привержен-

цами жестокой мести, не останавливающимися и перед человеческим жертвоприношением. Намеренная виктимизация Чумпина привела к тому, что простой рудоискатель трансформировался в культурного героя: отдав людям сокровища Благодати, он был убит ими за это. Удачей Мамышева стал монумент не абстрактному первооткрывателю. Чествовали конкретного человека, страдальца. Чувствительность сентиментализма включала в себя и сопереживание, умение отзываться на чужие боль и несчастья. Окружной начальник стремился воздействовать на чувства, а не поражать помпезностью, торжественностью и пышностью мемориала. Мамышев попытался о «великом предмете» (открытии месторождения мирового уровня) рассказать с использованием эстетики сентиментализма, которая обратила внимание на «низкую» сферу бытия и маргинальных героев. Хотя еще долго после него российские персональные монументы будут испытывать на себе пафос классицизма — скульпторы постараются «одеть» их в тоги, перегрузить «плохочитаемыми» обыкновением публикой символами и аллегориями [Рущинская, 2011, с. 130]. «Скромный» памятник Чумпину не станет правилом и нормой эстетического восприятия.

Авторы, писавшие о вогуле и поставленном ему памятнике, «считывали» различные смыслы с устроенной управляющим округом «монументальной пропаганды», поэтому на примере толкования смыслов, «вычитываемых» в этом мемориальном объекте, можно проследить эволюцию культуры визуального восприятия на протяжении XIX — начала XX в. Попадание сведений о герое-вогуле в печать обеспечил в 1827 г. известный впоследствии горный деятель К.П. Го(а)лляховский, который в статье в «Горном журнале» передавал имеющиеся слухи и толки: «Вогула наградили 20 рублями, но он дорого заплатил однородцам своим за привлечения внимания русских к месту их жительства: изустное предание говорит, что они принесли его в жертву своему шайтану на одной из... железных сопок» [Галляховский, 1827, с. 31–32]. Кстати, в отличие от надписи на памятнике, он «путает» фамилию Степана, называя его «Чумниным». Такая описка свидетельствует о недавнем внесении первооткрывателя Благодати в круг «актуальной памяти». Религиозно-этническое «прочтение» памятника предложил уже Галляховский: у него православию сталкивается с язычеством, русские — с «однородцами» вогула Чумпина. Уже данный автор упоминает о «признательном правительстве». В «Описании Гороблагодатского округа» усиливаются политические смыслы. Поначалу оно как бы цитирует статью Галляховского, затем подчеркивает, что Чумпин «заплатил жизни за важный дар, предложенный государству», а его «соотечественники» были «озлоблены вниманием правительства на сии места» [Описание..., 1839, с. 55].

Благодаря поездке на Урал в 1848 г. англичанина Томаса Уитлама Аткинсона, который добрался до Кушвинского завода и реализовал мечту своего детства — взобраться на «настоящую магнитную гору», сведения о трагедии, якобы случившейся на ее вершине с рудознатцем Степаном, попали в зарубежную научно-популярную литературу: «Раздражение народа обернулось против Чумпина, выдавшего русским опасную для вогулов тайну, и Чумпин сделался жертвой мести своих озлобленных единоплеменников. Вогулы втащили его на вершину горы и сожгли там живого» [Путешествие по Сибири..., 1865, с. 220].

Писавшие о памятнике в более позднее время обратили пристальное внимание на способ, каким первооткрыватель сокровищ горы был принесен в жертву. Уже в 1872 г. Н.В. Сорокин «замечает» изображенный на памятнике «пламенеющий светильник», и далее тема сожжения, атрибуты жертвенного костра начинают превалировать в интерпретациях. В 1873 г. А.П. Орлов сгустил краски в этнокультурной версии: вогулы стали свирепыми, а Чумпин — несчастным. Этот автор перенес расправу на ночное время: «...вогулы до того освирепели за это на несчастного Чумпина, что схватили его ночью...» [Орлов, 1873, с. 444–445]. В 1877 г. О.С. Клер напишет о «костре, зажженном мщением» «соплеменников» Степана [1877, с. 132]. У В.А. Весновского получилось драматизировать описание, как он выразился, «эмблемы легендарного сожжения»: «На верху колонны стоит металлическая урна с вырывающимся из середины ее пламенем» [1904, с. 177].

Затем тема жертвоприношения отворачивает от фигуры самого Чумпина, из жертвы он превращается в борца с языческими жертвоприношениями своих соплеменников, а гора Благодать — в святыню идолопоклонников. В.Д. Вострокнутов в 1901 г. сообщал: «...на горе Благодати вогулы приносили жертвы своим божествам и будто, озлобясь на Чумпина за то, что он указал русским священное их место, они сожгли его на этой самой горе...» [1901, с. 6]. В.А. Весновский воспроизвел свою версию религиозных разборок. Оказывается, сородичи расправились с Чумпиным потому, что он указал «священную для вогул гору русским, которые разогнали их, не дозволяя делать жертвоприношений» [Весновский, 1902, с. 34].

Памятник вогулу Степану Чумпину в контексте российской дореволюционной мемориальной среды

Различия в толкованиях при сохранении одинаковой фабулы показывают, что созданный Мамышевым к столетию округа памятник в качестве социокультурного объекта обладал значительным потенциалом. Возможно, благодаря ему чугунная тумба первооткрывателю магнитной горы набирала известность на Урале, в России и мире. Для местных жителей она стала символически значимой, превратившись в памятник знаменитому земляку. Тем более что со второй половины XIX в. установка памятников стала восприниматься в провинциальной России в качестве особого достижения территории, показывать степень ее цивилизованности [Руцинская, 2011, с. 129]. В начале XX в. вершина Благодати с монументом на ней считалась туристическим объектом, достопримечательностью, которую, будучи в Кушвинском заводе и его окрестностях, стоило обязательно посетить. Памятник и сопровождающая его эмоционально окрашенная «легенда» о давней трагедии гарантировали остроту туристских впечатлений, сделав это «место памяти» практически брендом Гороблагодатского округа. Однако и в конце дореволюционного периода монумент Чумпину во многом продолжал оставаться аномалией российской мемориальной среды, не породив подражательства, даже когда в регионах и столицах стали увековечивать память не только о коронованных особах и полководцах.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

Источники

Извлечение из записки статского советника Чупина о поездке императора Александра I на Урал в 1824 году // Горный журнал. 1878. № 1. С. 23–31.

Описание Гороблагодатских заводов // Горный журнал. 1839. № 1. С. 54–107.

Путешествие по Сибири и прилегающим к ней странам Центральной Азии / По описаниям Т.У. Аткинсона и А.Т. фон-Миддендорфа, Г. Радде и др. СПб., 1865. 518 с.

Литература

Агапов М.Г. Аватары Ермака: Монументальные формы репрезентации и актуализации исторической памяти // Вестник археологии, антропологии и этнографии. 2016. № 1. С. 142–150.

Весновский В.А. Спутник туриста по Уралу. Екатеринбург, 1902. 96 с.

Весновский В.А. Иллюстрированный путеводитель по Уралу. Екатеринбург, 1904. 598 с.

Вострокнутов В.Д. Краткий исторический обзор Гороблагодатского горного округа. Б.м., 1901. 76 с.

Галкин-Враскин М.Н. Памяти Джона Говарда // Русская старина. 1880. № 10. С. 379–384.

Галляховский К.П. Геогностические замечания в округе Гороблагодатских заводов // Горный журнал. 1827. № 9. С. 25–49.

Клер О.С. Отчет о поездке для осмотра метеорологических станций Среднего Урала, совершенной в 1877 г. // Сборник Пермского земства. 1878. Кн. IV. Отд. II. С. 129–136.

Кривошеков И.Я. Словарь Верхотурского уезда Пермской губернии. Пермь, 1910. 882 с.

Орлов А.П. Сведения о вогулах, обитающих в Пермской губернии // Сборник Пермского земства. 1873. № 5/6. С. 440–460.

Руцинская И.И. Эволюция восприятия городских монументов в русской провинции XIX — начала XX в. // Теория и практика общественного развития. 2011. № 8. С. 129–132.

Сокол К.Г. Российские монументальные памятники конца XVIII — начала XX вв. как объекты исторической географии: Дис. ... канд. геогр. наук. М., 2009.

Сорокин Н.В. Путешествие к вогулам // Труды общества естествоиспытателей при Казанском университете. 1872. № 4. С. 1–59.

Сурков Е.А. Рефлексия «литературности» в русской сентиментальной повести // Сибирский филологический журнал. 2012. № 1. С. 23–33.

Федин А.В. Идея «благородного дикаря» в «иезуитских реляциях» XVII в. // Диалог со временем. 2010. № 32. С. 65–93.

Чупин Н.К. Об открытии и первоначальной разработке магнитной горы Благодати // Горный журнал. 1866. № 11. С. 317–339.

S.V. Golikova

Institute of History and Archaeology of Ural Branch RAS
S. Kovalevskoy st., 16, Yekaterinburg, 620099, Russian Federation
E-mail: avokilog@mail.ru

Monument to the Mansi Stepan Chumpin in the context of the Russian pre-revolutionary memorial environment

The paper examines the history of creation and life of the monument to the Mansi Stepan Chumpin on the top of the Blagodats Mountain (city of Kushva, Sverdlovsk Region), in the context of development of the Russian

memorial culture. The paper aims to explore conformity of this monument with the memorial landscape during the time of its installation, as well as with the trends in the development of public commemoration in the pre-revolutionary period. Chumpin was the discoverer of a large field of magnetite on the Blagodats Mountain. The monument belongs to the category of anniversary ones, as it was built shortly before the centenary of the discovery of the field. Commemoration of this important event with the monument was the idea of the head of Goroblagodatsky mining district Nikolai Mamyshev. This high-ranking official was also a sentimentalist writer. The monument he erected was not similar to those in the style of classicism that were made in Russia in this period. It represented a cylindrical bowl-shaped base for iron casting bursting tongues of flame. The inscription on the pedestal says that Chumpin was burned here in 1730. It is believed the latter was done by his tribesmen associates. The paper formulates and justifies the hypothesis of the influence of Mamyshev's literary work on the concept of the monument: Chumpin, a «contemptible» character and a foreigner, is portrayed as a «noble savage» and a figure that evokes compassion. Such image of the discoverer gave a distinct ethnic orientation to the monument. It also appears as a memorial, since it was erected over the remains of a glorified person (although historians have proved that the fact of Chumpin's death in this place is a fiction). The monument is attributed to the monumental ones, as it is related to the great discovery by Chumpin, and to geographically motivated ones, as it is placed on the Blagodats Mountain. The monument is also a reminder of a significant event — the discovery of a rich deposit, and it affirms the recognition of the merits of the Mansi by the state. Even by the beginning of the 20th c., this monument did not become typical for the Russian memorial environment, although it turned into a popular tourist attraction.

Key words: Mansi, Stepan Chumpin, «noble savage», monument, field on Blagodats Mountain.

REFERENCES

- Agapov M.G. (2016). The Avatars of Yermak: Monuments and historical memory. *Vestnik arheologii, antropologii i etnografii*, (1), 142–150. (Rus.).
- Chupin N.K. (1866). About opening and initial development of the magnetic mountain of Blagodats. *Gornyj zhurnal*, (11), 317–339. (Rus.).
- Fedin A.V. (2010). The idea of «noble savage» in the 17th century «Jesuit relations». *Dialog so vremenem*, (32), 65–93. (Rus.).
- Galkin-Vrasskin M.N. (1880). John Howard's memories. *Russkaja starina*, (10), 379–384. (Rus.).
- Galljahovskij K.P. (1827). Geognostic remarks in the Goroblagodatsky mining district. *Gornyj zhurnal*, (9), 25–49. (Rus.).
- Kler O.S. (1878). The report on a trip made in 1877 for survey of meteorological stations of Central Ural Mountains. *Sbornik Permskogo zemstva*, (4), 129–136. (Rus.).
- Krivoshhekov I.Ya. (1910). *Dictionary of the Verkhoturys County of the Perm province*. Perm'. (Rus.).
- Orlov A.P. (1873). Information about the Voguls living in the Perm province. *Sbornik Permskogo zemstva*, (5/6), 440–460. (Rus.).
- Rucinskaja I.I. (2011). Evolution of perception of urban monuments in Russian province in XIX — the beginnings of XX centuries. *Teorija i praktika obshhestvennogo razvitija*, (8), 129–132. (Rus.).
- Sorokin N.V. (1872). Travel to Voguls. *Trudy obshhestva estestvoispytatelej pri Kazanskom universitete*, (4), 1–59. (Rus.).
- Surkov E.A. (2012). Reflection of literariness (literary style) in a Russian sentimental story. *Sibirskij filologicheskij zhurnal*, (1), 23–33. (Rus.).
- Vesnovskij V.A. (1902). *The companion of the tourist across the Urals*. Yekaterinburg. (Rus.).
- Vesnovskij V.A. (1904). *The illustrated Urals guide*. Yekaterinburg. (Rus.).
- Vostroknutov V.D. (1901). *Short historical review of the Goroblagodatsky mining district*. (Rus.).

С.В. Голикова, <https://orcid.org/0000-0001-8272-4763>

This work is licensed under a [Creative Commons Attribution 4.0 License](https://creativecommons.org/licenses/by/4.0/).

Accepted: 02.03.2020

Article is published: 05.06.2020